

— В ИЗМИРАНе у меня было назначено первое выступление с моей докторской - на семинаре лаборатории Зевакиной. Закончил я свой труд в марте 1980 года, а начал писать в июне 1978-го, то есть затратил на это год и девять месяцев, попутно получая ещё новые результаты, которые вставлял в диссертацию. Получилось свыше 400 машинописных страниц, включая список литературы, содержащий более 400 наименований, и кроме того около 80 страниц заняли рисунки. По этим количественным параметрам диссертация была вполне стандартной, такого объёма докторские я чаще всего и встречал. Отпечатал я только один экземпляр, надеясь остальные отэрить с него, чтобы не вписывать в каждый экземпляр формулы.

— Отдельные куски работы я уже показывал Зевакиной, кое-какая фразеология моя ей не понравилась, но принципиальных замечаний у неё не было. Раиса Афанасьевна со времён свержения Гострема продолжала буквально по-матерински покровительствовать всем нам и опекала меня в моих первых шагах с докторской, наставляя на тактически-дипломатически правильный путь.

— В качестве репетиции я выступил на семинаре у нас в обсерватории. Ребята - Кореньков, Саенко, Клименко - рекомендовали в большей степени акцентировать в выступлении новизну результатов, опуская детали.

— На семинаре у Зевакиной замечаний я практически и вовсе не услышал. Меня слушали почтительно, вопросы задавали мелкие, никто не нападал. Да и кому там нападать было - одни дамы в возрасте от 35 до 55 лет, кандидаты наук, послушные своей "начальнице", как за глаза называла Зевакину Юдович. Короче, семинар мою работу одобрил. Я надеялся, что семинар рекомендует её сразу на секцию учёного совета. Но Раиса Афанасьевна меня притормозила: так, мол, не делают, это не кандидатская диссертация, рекомендация семинара их лаборатории, в которой нет ни одного доктора наук, - это не солидно. Нужно выступить на семинаре отдела, а ещё лучше - на объединённом семинаре двух отделов - Лобачевского и Беньковой, чтобы обязательно были Наталья Павловна и Фаткуллин.

— Кстати, есть ли у Вас явные недоброжелатели? - спросила меня Раиса Афанасьевна.

— Да, пожалуй, один Марс Фаткуллин. Он ведь ещё на утверждении темы моей диссертации выступал против. Не знаю - как Иванов-Холодный, он как-то сдержанно к нашим работам относится. А с остальными всеми я в хороших отношениях, работы наши вроде бы все одобряют...

— Значит, Вам с Фаткуллиным прежде всего нужно уладить отношения, и чем раньше, тем лучше. Может быть, даже взять его в оппоненты. Во всяком случае, не обходить его, а сразу показать ему диссертацию. Пусть выступает против на ранних этапах её прохождения, это лучше, чем уже на самой защите.

— Всё это было вполне логично, и со всем этим я был согласен. Я договорился с Лобачевским и Беньковой о проведении совместного семинара их отделов в конце апреля после моего возвращения из Норильска. Диссертацию я оставил у Беньковой с тем, чтобы она показала её и Марсу, если у него возникнет желание познакомиться с моей работой.

С 14-го по 19 апреля - Норильск, 2-е совещание по Полярной ионосфере и ионосферно-магнитосферным связям. Почему в Норильске? Как обычно - при какой-нибудь организации, занимающейся ионосферой, которая и проводит сборище. А в Норильске - Норильский космофизический полигон, подчиняющийся СибИЗМИРу, заведение типа нашей обсерватории, но побольше и штатом и числом видов наблюдений, всё-таки это полярная ионосфера, где и полярные сияния, и поглощение радиоволн, и магнитные суббури и всё такое прочее...

Норильск - закрытый город. Чтобы купить билет на самолёт в Норильск, нужно выписать пропуск в милиции, который выпишут лишь по специальному ходатайству

твоей организации, а потом этот пропуск будут проверять солдаты прежде чем выпустить тебя из самолёта. Ни железнодорожного, ни автомобильного пути туда нет. Точнее, есть самая северная в мире железнодорожная ветка из Дудинки в Норильск протяжённостью меньше 100 километров, а в Дудинку можно попасть по Северному Ледовитому Океану. Ну, и на оленях можно.

— Норильск лежит на широте Мурманска, на меридиане Енисея. К северу от него полуостров Таймыр размером с Польшу. Ближайший город к западу - Воркута (в тысяче километров примерно), к югу - Томск, Красноярск, тысячи полторы километров до них. А к востоку на этих широтах городов больше нет до самой Чукотки. Да и посёлков немного: Хатанга, Тикси, Черский, Певек.

— Норильск - закрытый город из-за того, что он существует при стратегического значения источнике цветных металлов. Это город при горно-металлургическом комбинате, включающем в себя рудники, где добывают полиметаллические руды, содержащие медь, никель, кобальт, фабрики по их обогащению и заводы по выплавке цветных металлов.

— Город строили перед самой войной эки. Сначала строили одни бараки для мужиков, женщин здесь не предполагалось держать, но они откуда-то взялись и даже стали здесь рожать. После войны начали строить нормальные дома. И даже не просто нормальные, а огромные домины в пять-шесть этажей сталинской архитектуры. Таких домов даже в Мурманске тогда ещё не строили, а здесь ведь - вечная мерзлота, верхний слой летом оттаивает, дышит, из-за чего стены первых каменных бараков, двухэтажных, давали трещины и здания становились непригодными для жилья. Потом догадались ставить дома на сваях, а с самыми большими домами повезло в том смысле, что на их месте близко к поверхности были скальные породы. Их и использовали в качестве фундаментов.

— Сам город раза в два больше Апатит и выглядит значительно внушительнее, но по площади невелик, его легко обойти пешком. Похож на микрорайон большого города. Деревьев нет. Так, кое-где кустики какие-то. Зато трубы вокруг и дымов хватает.

— Норильское месторождение уже почти всё выработано, и надвигалась проблема сырья для местной металлургии, хоть закрывай лавочку. Но повезло, сырьё нашли рядом, километрах в тридцати, в Талнахе, где при тамошнем руднике "Октябрьский" начал расти второй город. Возили нас туда на экскурсию. Видел новые дома с треснувшими стенами, с мерзлотой-таки не справились. На руднике поводили поверху, в шахты, конечно, не пустили. Но уже одни только лифты для горняков производили впечатление: клеть на 60-90 человек, глубина - километр. Работать тяжело - под землёй жара до 35 градусов (а наверху столько же мороза), нередко горные удары, когда от внутренних напряжений трескаются, точнее, взрываются скальные породы. Пустоты, образовавшиеся после выработки руды, бетонируют. Помню, Москаленко на экскурсии всё бормотал:

— Ой, дурют нашего брата, ой, дурют! - (Вся экскурсия была после банкета, с похмелья, значит.)

— Набили карманы кусками руды, отцвечивающими медными и кобальтовыми блёстками. Привёз такой кусок домой и я.

— А накормили нас в ресторане на Талнахе шикарно, с красной рыбой, с блинами, - тогда, правда, казалось дороговато без выпивки по четыре рэ за обед. Вообще с питанием в Норильске неплохо. Множество точек общепита разного калибра, мы и питались каждый раз в новом месте (со мной ездил в этот раз Юра Кореньков). В магазинах есть масло, молоко из порошка, колбаса и сардельки неизвестно из чего, оленина. Всё не пустые прилавки как у нас в Калининграде. Продукты все, конечно, привозные: завозят летом в навигацию по Енисею. Есть, правда, ферма своя, коров пытаются держать для молока в детские ясли, сады, больницы. Но корм тоже надо привозить, и эти коровы так уже к брикетам привыкают, что, когда летом их выгоняют на свежий воздух, они траву даже не пытаются щипать. Хотя какая там трава!

— В Норильске из-за вечной мерзлоты всё проблема - и водо-газопроводы, и дорожное

покрытие. ТЭЦ работает на газе, который по трубам идёт из Дудинки. Как-то лопнули от мороза сразу обе нитки газопровода. При этом из-за реактивного эффекта газовых струй трубы стали мотаться туда-сюда (трубопровод идёт над землёй на столбиках из-за мерзлоты), и трубопроводы развалило на нескольких километрах. Чинили их на 50-градусном морозе, город за это время чуть не вымерз.

— На полигоне вообще водопровода нет, носят воду ведрами. Но ничего, живут, не жалуются. Ну, а мы-то были там в середине апреля, когда солнце перевалило через равноденствие, и дело шло уже к полярному лету, морозы были градусов 10-15, правда, с ветерком, но всё же не то, что зимой, когда и морозы, и ветер намного сильнее, и темень круглый день. Заходили в какой-то пансионат, там обезьяны, птицы, экзотические растения в холлах, во дворе медведи в клетках - целый зоопарк.

— Я делал в Норильске заказной доклад "Главный ионосферный провал и его динамика", и для него мы с Володей Клименко сумели подготовить кое-что новенькое даже по сравнению с тем, что представляли совсем недавно в Верхне-Тулломском, а именно, нестационарную конвекцию, ведущую, как мы показали, к расслоению провала. В Норильске, как и в Верхне-Тулломском мы выступали слаженным дуэтом с Антенной Семёновной Беспрозванной. Её данные наблюдений по провалу и результаты наших расчётов прекрасно согласовывались между собой, и мы друг на друга ссылались со взаимными комплиментами, что очень напоминало известную басню Крылова ("За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха?...").

Я у стенда в Норильске, апрель 1980 г.

— Запомнился такой эпизод на одном из заседаний. Темпераментный Лев Ерухимов, делая доклад, метался, как обычно, по сцене и вдруг остановился, уставившись диким взором в зал:

— Сколько времени у меня осталось?

— Десять в минус второй, - моментально и невозмутимо ответил ему с первого ряда

Володя Пивоваров из Красноярска.

— Ага. Хорошо. - И Ерухимов продолжил свой доклад под хохот зала.

— По вечерам мы с Кореньковым и Борей Некрасовым из ААНИИ гостили у ленинградских наших подруг - Лариски Зеленковой и Люды Макаровой. Лариска и Людмила потрясались моим воздержанием от курения. Однако в конце банкета, изрядно выпив, я оскоромился - выкурил одну сигарету. Впрочем, только одну и без видимых последствий: в последующие дни не курил и не тянуло.

— В Норильске я советовался с Даниловым и Юдович по поводу возможных оппонентов при защите моей диссертации. Обычно их подыскивает себе сам диссертант, учитывая требования ВАК, а утверждает специализированный Учёный Совет по месту защиты (на самом-то деле как раз Совет обязан назначать оппонентов, не спрашивая диссертанта; на практике же - выбор оппонентов оказывается заботой самого защищающегося).

— Лишь одна кандидатура не вызывала никаких сомнений - Валерий Михайлович Поляков, профессор, заведующий кафедрой радиофизики Иркутского университета, председатель подсекции моделирования ионосферы при Межведомственном геофизическом комитете, как специалист ближе всех докторов к профилю моей диссертации. Ещё зимой мы встретились с ним в МГК на заседании оргкомитета предстоящего этим летом в Тбилиси очередного Всесоюзного семинара по моделированию ионосферы (Марс Фаткуллин, кстати, страшно разозлился, что его не включили в оргкомитет, который захватила, по его словам, "банда четырёх": Поляков, Данилов, Юдович и Намгаладзе), и там я обратился к Валерию Михайловичу с просьбой быть у меня оппонентом. Он с готовностью и даже с радостью, как мне показалось, согласился.

— Далее, один оппонент должен быть обязательно членом Учёного Совета. Докторов - специалистов по физике ионосферы в Учёном Совете ИЗМИРАН трое - Бенькова, Иванов-Холодный и Фаткуллин. Значит, кто-то из них. Лучше всего - Бенькова, считали Данилов и Юдович. Ну, а третий кто? Я рассчитывал на самого Данилова. Но он сказал мне:

— Ты знаешь, Саша, я ведь член ВАКа, и меня полезнее использовать на стадии утверждения решения Учёного Совета в ВАКе. А если я буду у тебя оппонентом, то в ВАКе моё мнение уже спрашивать не будут.

— Ну, что же. Резонно. Вспомнили всех докторов - ионосферщиков. Гершман?

— Вряд ли согласится, - сказала Юдович. - Он часто болеет, возраст уже сказывается, и за докторские не берётся. Лучше, говорит, три кандидатские, чем одну докторскую оппонировать.

— Брюнелли?

— Но у меня с ним были совместные работы. Правда, не по профилю диссертации, но всё же не стоит вызывать возможные нарекания: соавтор не может быть оппонентом.

— Осипов?

— Но с ним нужно пить до посинения.

— Хантадзе?

— Нехорошо, что грузин, соотечественник, так сказать. Но всё же Хантадзе подходит. И наверняка не откажет.

— Ну, а в качестве ведущей организации кого? ИПГ? Данилов помотал головой:

— У нас вечные дразги, если один скажет за, обязательно найдётся, кто скажет против. Лучше всего СИБИЗМИР. Надо просить Климова, Кринберга, Казимировского. Тем более, что они все здесь.

— Не откладывая дело в долгий ящик, я обратился к Климову с Кринбергом - они жили в соседнем номере - с просьбой посмотреть оглавление моей диссертации, введение, заключение и рисунки: всё, что было у меня с собой, а работы мои они знают, и высказаться в принципе - согласятся ли они поддержать работу в качестве ведущей организации?

— Климов взял мои листочки и вернул на следующий день.

___ - Валяй, присылай к нам.

___ - Ну, а замечания есть какие по формулировкам?

___ - Какие там замечания? Живущим в стеклянном доме не рекомендуют бросаться камнями.

___ Климов сам был ещё не доктор.

___ В аэропорту перед отлётом из Норильска мы стояли с Даниловым наверху на балконе у перил и курили в ожидании посадки.

___ - Вот и Норильск пролетел мимо. Только что вроде собирались ещё это совещание проводить и вот уже обратно летим, - заметил я.

___ - Не говори, - вздохнул Данилов.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)